

15 05 2015 Пятница

ПЕРЕД СУДЬБОЮ ВСЕ РАВНЫ

Еще древние знали, как влияет на ход человеческой судьбы имя. А вот молодые родители, Ольга Илларионовна и Федор Семенович Носковы, особо не раздумывали, выбирая имя. Взяли, да и нарекли только что родившуюся дочь ультрасовременным именем – Гертруда, что означало Герой труда. Мало того, в декабре 1923 года демонстративно устроили первые в Томске «октябрины».

- Меня не крестили в православном храме, как следует начинать свой жизненный путь младенцу, - поясняет Гертруда Федоровна, - а именно «октябрили». Спросите, что это? А вот что. Рядом с главпочтамтом, на месте нынешней гостиницы «Сибирь», находился двухэтажный деревянный клуб «Строителей». Там-то и состоялось это редкостное действие. Сначала меня в пеленках подержал на руках октябренок, потом передал пионеру, а тот – комсомольцу, Костя Жуков его звали. Потом он, когда мне исполнилось пять лет и до семи, приходил к нам в дом, приносил мороженое, рассказывал что-нибудь интересное. После юных «крестных» речь держал коммунист. Кроме меня, «октябрили» еще одного мальчика. Тоже редкое имя дали – Ким, коммунистический интернационал молодежи. Фамилию его до сих пор помню – Ким Федюкин, правда, о дальнейшей судьбе ничего не знаю. А мою жизнь революционное чудачество родителей осложнило: имя обязывало. Наверное, потому и выросла я такой трудягой, не боялась никакой работы.

ЮНОСТИ ПРЕКРАСНАЯ ПОРА

Коренная томичка, Гера Носкова родилась и жила сначала на ул. Равенства, 19, бывшей Дворянской, а ныне Гагарина. Потом разросшаяся семья перебралась на «Песочки», поселившись в доме на ул. Яковлева, неподалеку от нынешнего горзеленхоза. Тридцатые годы были наполнены драматическими событиями, ночными арестами родственников и просто соседей. Ольга Илларионовна не знала покоя, работая председателем общества «Друг детей». Беспризорных ребятишек собирали повсюду. Мест обычно не хватало, поэтому в гостеприимной усадьбе Носковых постоянно жил кто-нибудь из детей. Потом сирот определяли в детский приемник на ул. Шишкова. Довоенную жизнь в «родном гнезде» Гера вспоминает с ностальгией. - Трудно, бедно жили, но дружно, - рассказывает она, - и в нашей семье из 14 человек, и с соседями. Общий огород имели, где нынешний горзеленхоз. Все делали коллективно. Председатель общества Александр Прилуцкий ударит по рельсе - копаем картофель. Разложим урожай кучками, жребий бросаем - кому, чтобы по справедливости было. Погреб, где капусту и другие соленья хранили, тоже общий. У каждого бочка стояла, но никто ни у кого не «шарился». Отец вывешивал на стенде газету «Правда» для политинформации. Двор весной благоухал черемухой, летом - цветов море, а к осени рябины пламенели гроздьями ягод. Соберутся ребятишки в нашу усадьбу, земляничкой и малиной угощаем. Так было заведено. Росли всем двором. Потом эти мальчишки на фронт ушли и погибли. Один мой Гена вернулся. Ушло чудесное время юности, а в памяти живет ее волнующий свет. С Геней Шелколюком, будущим мужем, выросли в одном дворе, дружили, как в известной песне, «а парень с милой девушкой на лавочке прощается...». Он до меня и рукой-то едва касался. Сидим, бывало, до 3-4 часов утра. Будущая свекровь из окошка выгланет: «Гена, домой!» - «Сейчас, - ответит, - луна за то дерево зайдет, пойдем с Геранькой по домам...». Не знали мы тогда, не ведали, что встанет между нами жестокая война, а потом еще четыре бесконечных года разлуки. На фронт провожали, пироги с грибами испекли. Новобранцы по ул. Крылова маршировали в полушубках и ушанках. Мы с матерью Гены рядом бежали и норовили гостинец передать. Я изловчилась и все-таки сунула ему в карман кусок пирога. Это сейчас свободные отношения, а тогда... Господи, мы и о любви-то никакой не говорили. Я одно сказала: «Буду ждать, только живым вернись».

В ПУЛЕМЕТНОЙ РОТЕ

Перед самой войной Гера и братья Андрей и Константин окончили ремесленное училище № 1, получив профессиональную подготовку. После курсов инструментальщиков Гера освоила револьверный и токарный станки, стала незаменимой в цехе. Где прорыв, туда начальник цеха Красильников и посылал Геру. Могла любую деталь выточить и отшлифовать лучше всех из молодых работников. Так, наверное, и проработала бы в тылу военные годы. Но взяли в армию братьев Андрея и Константина, за ними ушли два зятя и отец Федор Семенович. Тут и Гера решила: отправилась на фронт добровольцем, шестой из семьи Носковых.

- В Томске нас посадили в «телячьи вагоны» и 17 суток везли до Москвы, - вспоминает Гертруда Федоровна, - литерные поезда пропускали, натерпелись в дороге на кашах из концентратов. По приезду устроили нам, девчонкам, праздник - накормили ухой из осетриных голов. Попала я в первый отдельный женский запасной стрелковый полк. Училась на командира пулеметного отделения. Детально станковый пулемет «Максим» изучали. Я полгода тяжеленный станок таскала, а подружка Таня – ствол с кожухом. За все время два наряда получила. За женские «сентименты». Лежу у пулемета, снежинки падают. Дую на них и вспоминаю улицу Песочную, подъем на Среднекирпичную, где три тополя росли. Когда мы на ул. Яковлева жили, я младшей в семье была. Меня всегда посылали срочно: то сестра, то сноха рождает, то в аптеку надо: «Гера, беги!» И я мчусь на «Розочку». Вспомнила, и плачу: «Мамочка, как ты, бедная, там без меня? Кто побежит в аптеку или за «скорой помощью?» Дую на снежинки и вдруг слышу: «Курсант Носкова, к командиру роты!» Получила два наряда вне очереди. Пол мыла в казарме.

В САНИТАРНОМ ПОЕЗДЕ

Пулеметчицы из меня не вышло, оказалась близорукой. Перевели в полевой военно-санитарный поезд. Тут-то и началась для меня настоящая, и не приведи Бог какая, война. Одна из самых страшных ее страниц. Сначала работала с тяжелыми ранеными. В вагоне у меня, 19-летней девчонки, 20 человек. Все лежачие. Вагон нужно отапливать круглые сутки, воду заготавливать, раненых на себе таскать. В 4 утра прибыли в Киев и долго стояли в Дарнице: бой все не кончался. Наконец поехали. Воды в Днепре не видно, все завалено трупами - наших солдат и немцев. Едем раненых принимать. Какие сами идут, каких на руках тащим. Вши, чесотка, грязь, кровь, невыносимые страдания... Два рейса отработала, начальник эшелона майор Гончаров спрашивает: «Ну что, Гера?» Они думали, я сдам позиции. Поняли – выдержу. Перевели в вагон ампутированных бойцов. В седьмой вагон перевязочный таскала их на себе. Всякие были ребята. Некоторые стойкие, другие плачут, как дети малые. На плечи положу и тещу вместо коня.

Орел, Курск, мелкие города, Гомель. 1-й Украинский фронт. Всякий раз возвращались с ранеными по сожженной земле. Все разбито, как сейчас в Донецке. Поезд останавливался. Шпалы укладывали, рельсы. Десять девчонок с этой стороны, пятнадцать с той. Кричим: «Раз-два – двинем!» А рельса ни с места. Она же тяжеленная. Из колодцев воду на себе носили за 500 метров и дальше. Хвойную лапку заготавливали для раненых.

Полевой военно-санитарный поезд – это поездки под бомбами и снарядами, тяжелейший труд. Дрова пилили вручную, уголь носили, стирали по 8-10 бочек белья и бинтов в сутки. Суровая работа, но милосердная. Тяжелее всего видеть нечеловеческие муки раненых. Лежит беспомощный отец четверых детей: ноги, руки оторваны, глаза повреждены. В отчаянии плачет: «Дочка, зачем я ей такой урод нужен?» Сяду рядом, как с ребенком: «Дядя Ваня, да ждет она вас, ждет. Вы же отец, муж, самый родной человек...». А в вагонах «челюстных» и «полостных» - еще одна грань человеческого страдания и горя. Мои-то раненые лежат. Зайду к девчонкам. Раненых в живот густой кашей кормят, челюстных – наоборот, жидкой пищей. Глянешь – душа обмирает. Ничего нет, ни зубов, ни челюсти, один язык болтается. Проклятая война! Господи, почему же люди так жестоки друг к другу! У Михаила Насенника с Украины живот распластан, лицо как мхом подернуто. Умирал, а все рассказывал, как сады вишневые весной цветут. «Гера, когда я поправлюсь, ты ко мне приедешь?» Бедный ты мой! Как вспомню, слезы душат. Наверное, только один человек по-настоящему сочувствовал и понимал меня – полковник Василий Игнатьевич Милосердов: «Гертруда Федоровна, мы-

то при штабе, указания давали, а вы там ворочались в этой грязи, крови, среди человеческих страданий и слез».

ИЗ ЛЕДЯНОЙ КУПЕЛИ

Герта пришла с фронта 28 апреля 1944 года, а ее суженый Геннадий – в 1948 году.

Война его не отняла, вернулся единственный солдат из мальчишек двора. А река Томь едва не осиротила Геру. Молодожены возвращались в город из Тимирязевского, тонкий лед снегом припорошило.

- Не ходи, - говорю, - Гена, а он, - не война, прорвемся. Как шел, так и ухнул под лед. А я уже ничего не вижу, кроме мужа тонущего. Легла на лед, подползла к полынье, крепко ухватила за воротник. Не знаю, откуда в тот момент нашлось у меня столько силы, но выволокла его из воды на лед. Пока шли до берега возле мельницы, Гена весь обледенел. Едва дождались автобуса. Болел потом долго, но счастье свое я не потеряла.

ЛУЧШИЙ ДРУГ ДЕТЕЙ

После войны Гертруда продолжила дело матери, самоотверженно и наступательно боролась с беспризорностью детей, потому что насмотрелась столько горя и страданий на войне. Стала воспитателем, директором детского дома. Первые питомцы - 120 девочек, с которыми она работала на заводе «Сибэлектромотор». Оставаясь верной первой любви, восемь лет ждала Гертруда возвращения друга своей юности. Ждала, пока он воевал, а потом служил в армии. Они прожили с Геннадием Андреевичем душа в душу 50 лет, как один час счастливой семейной жизни, воспитали троих сирот войны. Достойные, порядочные выросли дети, которыми Гертруда Федоровна гордится, как и своей трудной фронтовой работой.

ВРЕМЕН СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

21 июня 2013 года на центральной аллее Лагерного сада состоялась торжественная закладка капсулы с посланием от поколения победителей будущим поколениям к 100-летию Победы 9 Мая 2045 года. Красивые, добрые, всеми почитаемые люди собрались здесь в окружении сотен молодых людей: кавалеры нескольких орденов и медалей десантник Федор Тимофеевич Бондаренко, фронтовой разведчик Леонтий Вениаминович Брандт и Гертруда Федоровна Шелколюк, отличник народного образования, ветеран педагогического труда. Один из инициаторов послания в будущее Леонтий Брандт сказал: «Мы еще сможем передать своим внукам и правнукам, что видели и пережили во время Великой Отечественной войны. А кто расскажет об этом новым поколениям через три десятка лет? Мы отправляем им послание, где отражены наши мысли и чувства, правда и боль отгремевшей войны. Они прочтут его между строк, улавливая частички наших воспоминаний и пожеланий потомкам, главное из которых – хранить на земле мир и творить добро».

Перед тем как опустить послание в капсулу огласили небольшой отрывок: «Война – это дни и ночи горя, страданий, лишений. Вместе с тем именно в это время стократно проявляются человечность, доброта, взаимовыручка. Сибиряки – особенные люди: открытые, терпеливые, сердечные. Именно эти качества помогли томичам с честью вынести все ужасы военного лихолетья, сохранить веру в Победу, в то, что дети, внуки и правнуки будут обязательно жить легче и лучше...».

* * *

А я вспоминаю, как после закладки капсулы в полночь на ступенях мемориала началась еще одна волнующая сердца ее участников акция – СВЕЧА ПАМЯТИ. Томичи, пришедшие по прекрасной традиции в Лагерный сад, зажгли 1418 свечей, символизирующих дни Великой Отечественной войны. От горящих факелов зажигались свечи, и среди памятных мраморных стел заколыхался разлив ярких в ночи трепещущихся огоньков. Гертруда Федоровна стояла в почетном ряду фронтовиков и тружеников тыла. И в этом единении поколения победителей с молодежью просматривалась такая прочная, такая надежная и живая связь времен.

Владимир ФЕДОРОВ.